

ГАВРИЛИНЫ НАГРАДЫ

Словно черти, братец мой, — шутиво распевали казаки после этого своего столь довольно скорого возвращения.

А в 1914 году Гаврилу Егоровича снова призвали на фронт. Теперь уже на Германский... и он получил тут свой третий Георгиевский крест. А когда началась революция, то двинулись вместе с Корниловым в Петроград на подавление восстания. Однако перед самым городом произошло замешательство, и казаков принялись агитировать переходить на сторону большевиков. Но для Гаврилы Егоровича все офицеры и генералы оставались по-прежнему уважаемыми ко-

мандирами. Также проливавшими кровь на фронте вместе с простыми солдатами. А "золотопогонниками" их называли всякие засланные плутоватые газетчики в пенсне.

Сегодняшние оренбургские казаки. В центре с иконой Царя Николая II Верхнеуральский атаман Кокорин Сергей Константинович

мандирами. Также проливавшими кровь на фронте вместе с простыми солдатами. А "золотопогонниками" их называли всякие засланные плутоватые газетчики в пенсне.

Поэтому и по возвращении в родные оренбургские края большинство казаков пришло к их законному атаману Дутову. И сражались с красной конницей Блюхера до тех пор, пока не потеряли почти всех своих лучших бойцов и не сдались где-то уже под самым Семипалатинском.

— Ну, что служивый, — подойдя к Гавриле Егоровичу и глядя на висевшие на его груди кресты, бросил один из красных полевых командиров. — Видать, хорошо повоевал!?

— Служу отечеству, — вытянулся вдруг

перед ним Гаврила Егорович. — Как ешо... ведь мы же присягу давали!

Командир смерил его лишь ещё раз с ног до головы пристальным взглядом и, ни слова больше не говоря, отослал с несколькими другими казаками в одну из запасных частей.

Правда, в бой сразу против своих всё ещё кое-где уцелевших дутовцев не решились послать. А ограничились лишь тем, что заставили переставлять колёса на тачанках, а также чинить и подбивать хомуты с седлами.

А к осени и совсем отпустили, выдав даже особые пропуска с печатями на проезд. Дома Гаврилу Егоровича никто из близких будто уже и не ждал. Давно проглядев все глаза и потеряв всякую надежду на его возвращение. И когда жена увидела его на пороге, то мгновенно вскрикнула, поблещнула и повалилась перед ним без чувств.

А подросток белообрый сынишка тоже совсем его не признал. Такого худого да заросшего после долгого маятного пути! Ведь им приходилось наткаться ещё на кучу всевозможных разведов и провокаторов. Но тут Гаврила Егорович только зачерпнул в ковш воды и, плеснув

на свою суженую, быстро привёл её в сознание. — А я думала, Гаврюша, — открывая глаза и вновь увидев мужа перед собой, едва слышно произнесла та, — тебя уж и на белом свете нет! Ведь столько поубивали твоих самых близких друзей и сослуживцев.

— Одних поубивали, — выдавил твёрдым голосом Гаврила Егорович. — Другие народятся... казачьему роду нет переводу.

И после страшного голода 1921 г. у него действительно прибавилось двое сыновей да дочь. Пахали всё также у себя на займке, сея пшеницу, овёс, просо. Снова плугом своим (по-казачьему цабан) обзавелись и парой лошадей. Пока уж не свалилась вдруг новая напасть! Ни чуть не меньшая,

чем только что отбушевавшая гражданская война. Взялись рассказывать, отбирать всё и загонять под дулом нагана в колхозы. А тех же, кто не подчинился и не шёл, душили налогами и высылали семьями кого в Архангельск на лесоповал, кого в Красноуральск на угольные копи.

А в 1937 году прокатилась новая волна ещё более жутких расстрелов.

— Наверно, и за мной придут, — не смыкал глаз по ночам Гаврила Егорович. — Раз у атамана Дутова воевал... да ещё в первом его отборном полку.

Но спасло то, что был из бедных и не стал слишком рьяно упорствовать со вступлением в колхоз.

Хотя с наградами своими никак не мог расстаться. И долго прятал их в старой просевшей избе за висевшей в углу иконой. Вытаскивая только в редкие дни, когда выпадет какой-нибудь казачий праздник. Или вдруг тоска-кручина обуяет... выпьет тогда стопку, достанет из узелка и показывает самым близким. Вместе с фотографией, где сидел верхом на коне, с острой ослепительной шашкой в руке и тремя Георгиевскими крестами на груди.

Со временем, однако, фотография изрядно пожелтела. Да и все кресты уже не вызывали у Гаврилы Егоровича былых чувств и гордости. Достал он их как-то в очередной раз, усмехнулся чему-то и обронил с каким-то пустым холодным безразличием:

— Ни чести, ни славы... такое учинить за бывшие заслуги и верную службу! И теперь одна только излишняя морока от них...

И бросил вначале фотографию, а затем и эти свои кровью добытые награды на горящие уголья в печь.

А следом как раз на Пасху и сам преставился. Сидели же у гроба его и читали Псалтирь несколько местных старух. В белых косынках и тёплых пуховых шалях поверх них. И дед, Кузя Гридяев (тоже казак и участник гражданской войны!) сказывал лишь как бы в довершение этому:

— Из всей Бородинки больше Гаврилы Егоровича никто не повидал. И с самураями воевал, и в Китае был, и в Австрии... да и в нашей славной многогострадной Рассеюшке тоже немало хлебнул!

А сейчас уже даже дубовый покосившийся крест на его могиле подорпел... вот-вот совсем рассыплется и в землю уйдёт вместе со множеством пожелтевших мельчайших крошек.

Анатолий ЯКОВЕНКО,
член Союза писателей России

О Гавриле Егоровиче Сычёве я услышал в старом казачьем селе Бородиновка, названном так в честь Бородинского сражения под Москвой.

Тут у нас, на Южном Урале, были сплошь такие же известные созвучные названия. Ведь многие наши деды и прадеды из соседних сёл, хуторов и станиц были непосредственными участниками тех же баталий. Поэтому и оставили после себя столь неувядающую живую память.

А Гавриле Егоровичу тоже довелось воевать в двух войнах. В Японскую 1904 г. и в Германскую 1914 г., получив даже три Георгиевских креста. Но в разведку ходить было намного опаснее к японцам. Ведь они очень ловко и внезапно кидали ножи и, если не успеешь заметить и вовремя вернуться, то всё — считай пропал! Попадали прямо в сердце...

Однажды Гаврила Егорович спас своего командира. Они пробрались к японцам через ограждения. И тут Гаврила Егорович успел перехватить летевший в того нож. Хоть ему и распластало всю ладонь до самой кости. А когда отлежал больше двух месяцев в лазарете, и ему затянуло рану, то командир взял его к себе в ординарцы. И вскоре их полк направили в Китай, где Гаврилу Егоровича больше всего поразили мазаные фанзы с бумагой вместо стёкол.

А сами жители вначале разбежались от страха при их появлении. Но казаки затем построили им русскую баню и подружился с ними. Хотя у китайцев были свои особые обычаи! Девочкам, к примеру, обтягивали материей туго ступни ног. И чем те были меньше, тем будущая невеста считалась красивее. И за неё давали больший выкуп... а крохотных детей носили по базару в сумке за спиной и тоже продавали. Пробыли же казаки в Китае около двух лет. Пока не пришёл от Царя Николая Александровича высочайший указ о выводе на Родину. Это было уже вначале 1907 года, и их всю казачью кавалерию сразу отправили вглубь России. Потому как война с Японией была закончена, и в Китае им незачем было больше находиться.

Всё китайцы да корейцы
Всюду шлятуют толпой.
Косы длинные, лоб обретый,

БАШНЯ ТАМЕРЛАНА

Впервые я попал к ней будучи взрослым... она возвышалась в степи среди ковылей и разбросанных вокруг каменных плит казахских захоронений. Купол на ней был сильно повреждён, стены расписаны фамилиями тех, кому удалось побывать тут раньше. Школьников, туристов... а мне же башня эта была дорога тем, что стояла она совсем рядом со старым казачьим посёлком Варной. Моей родиной... и хотя мы уехали отсюда ещё перед войной в соседний Бускуль, но всегда хотелось получше узнать и про этот вот близкий мне закуток.

Тем более, что вокруг самой башни ходило множество всяких легенд. Чаще всего говорили о дочери грозного хана и ее любви к одному из его молодых воинов, который осмелился выкрасть ее и увезти с собой. Но по дороге, у встретившегося озера и сплошных камышовых зарослей, вынужден был спрятаться от преследовавшей его погони. И в это время на них напал тигр (из будто водившихся тогда еще тут) и разорвал их обоих.

На месте гибели своей единственной дочери хан приказал построить высокую башню. А кирпич изготавливали неподалёку от нынешнего города Троицка и передавали его сюда по цепочке ханские воины.

А то, что возникшая легенда о Тамерлане и его дочери была связана именно с этим

великим хромоногим завоевателем, тут тоже нет ничего удивительного. Ибо как раз среди наших раздолий пролегла главная ордынская дорога... по уверениям старых местных казаков она была довольно широкой. И Батыевы всадники, а затем и Тамерлановы проходили по ней не единожды, оставляя кровавый след на долгие века.

Но в то же время Азия выплескивала не только одни толчища диких кочевников. Таких, как гунны, кипчаки, монголы... она несла и сохраняла в себе также торговые интересы. Когда рядом со стуком конских копыт и бесконечных племенных разбоев проходили еще верблюжьи караваны. Нагруженные всевозможными пряностями,

тканями и дорогими редкими украшениями. Европа и Царская Русь тоже нуждались всегда в этом. И совсем недаром, что в Троицке и Оренбурге возникли наши первые меновые дворы и ярмарки. "Воротами Азии" называли их уже в XVIII—XIX веках.

И хотя проникновение России на восток было сопряжено с большим риском и трудностями, но оно шло постоянно.

А теперь вот моя родная Варна вновь оказалась в самой приграничной точке. И за Тамерлановой башней (отреставрированной руками лучших челябинских умельцев) все те же вольные кайсаки и Хива с Бухарой. И станция тут по-прежнему носит тоже давнее название — Тамерлан! Но сумеем ли верно понять и расценить всю нашу столь непростую историю?

Ведь дальше за Алтаем и Саянами огромный пробудившийся Китай! И Япония всё больше и больше предъявляет нам свои немалые счета...

Вот и есть тут, у всё такой же одинокой и стоящей как бы на дозоре башни Тамерлана, о чем поразмыслить. Всем русским, башкирам, татарам... потомкам тех, кто поселился когда-то в этом неспокойном крае и оберегал все здешние земли.

Анатолий ЯКОВЕНКО,
член Союза писателей России

Арзамасский Крестный ход с иконой Божией Матери "Неупиваемая Чаша"

В ночь с 17 на 18 мая в честь праздника иконы Божией Матери "Неупиваемая Чаша" при участии казаков станицы Арзамасская Волжского Казачьего Войска состоялся традиционный Крестный ход вокруг города Арзамаса.

Традиция совершения этого Крестного хода зародилась более 10 лет назад и связана с почитаемым образом Матери Божией "Неупиваемая Чаша", находящимся в храме в честь Сошествия Святого Духа г. Арзамаса. Написана икона была по просьбе верующих, в основном прихожанок храма, как вопль души к Пресвятой Богородице: ведь именно по молитвам матерей и жен перед образом Матери Божией "Неупиваемая Чаша" происходят исцеления страждущих недугами пьянства, наркомании и других духовных и телесных недугов.

В 2002 году перед иконой "Неупиваемая Чаша" было своеобразное молитвенное стояние — 80 дней подряд верующие города приходили в храм Святого Духа и читали перед образом Царицы Небесной акафист. Матери и отцы вымаливали страждущих детей, жены — мужей... В последние дни такого стояния икона заблагоухала. Но, видно, врагу рода человеческого не по нраву пробуждение и очищение русского народа. Несколькими годами назад икона подверглась осквернению. Позарившись на дары — укра-

шения, которые исцеленные люди в знак благодарности прикладывали к иконе, — злоумышленник разбил стекло, увеличил лик Богородицы. Полностью восстановить живопись не удалось, и границы разлома, словно шрамы, свидетельствуют о преступлении. С тех пор этот образ в народе называют "раненым", он стал еще ближе и роднее. И именно его раз в год обносят с молитвенными песнопениями вокруг Арзамаса.

В этом году, как и в прошлом, Крестный ход собрал большое количество участников. И в течение всей продолжительности молитвенного шествия людской поток не убавлялся. У храма в честь Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова был отслужен водосвятный молебен, у часовни на месте взрыва 4 июня 1988 года — заупокойная лития. Многие люди ждали Крестный ход на улицах, у своих домов, и везде арзамасцы разных возрастов с благоговением преклонялись под икону, которую над ними пронесли. Хотелось бы, чтобы пример Арзамаса был замечен в других городах и регионах, и в последующие годы к нашему Крестному ходу могли бы присоединиться православные паломники. А может быть, по примеру Православного Арзамаса, в других городах и селах встанут люди вместе — купно, соборно, заодно — и Крестным ходом обойдут свою малую Родину с образом Пресвятой Богородицы, чтобы по молитвам Матери Божией меньше становилось "потерянных" детей, разбитых семей, чтобы муж был достойным главой своей семьи. А семья — малой Церковью и оплотом государства.

Г. ТЕПЛОВ,
пресс-служба Арзамасского
городского отделения
движения "Народный Собор"